

НЕ РЕФОРМА, А ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ИНСПЕКТОРОМ ПАРИЖСКОГО СВЯТО-СЕРГИЕВСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА ПРОФЕССОРОМ ПРОТОИЕРЕЕМ НИКОЛАЕМ ОЗОЛИНЫМ

21 ноября 2002 года гостем Московской Духовной Академии был инспектор Парижского Свято-Сергиевского православного богословского института профессор протоиерей Николай Озолин. В актовом зале Академии им была прочитана лекция об известном иконописце и богослове Л. А. Успенском. После лекции отец Николай любезно согласился ответить на вопросы журнала «Встреча».

Беседа в редакции журнала «Встреча»

— Отец Николай, в начале скажите, пожалуйста, несколько слов о том, что сегодня представляет из себя Свято-Сергиевский институт.

— Наш Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже существует, как Вы, вероятно, знаете, уже семьдесят пять лет. Мы выдаем дипломы *licence en theologie* и *maotrise en theologie*,

что примерно соответствует бакалавру и кандидату богословия по российской терминологии. Сегодня общее число студентов составляет около пятидесяти человек. По российским меркам это, конечно, очень мало, но для нас это неплохо. Например, в конце пятидесятых годов, когда я учился, в институте было ровно девятнадцать студентов. С середины семидесятых годов преподавание у нас ведется на французском языке. Переход на французский язык произошел во времена застоя, когда не было надежды и возможности на непосредственное общение с Русской Церковью, с российскими Духовными школами. Студенты были в основном из Западной Европы, и потому мы решили перейти на местный язык, что, кстати, на много раньше было сделано в Свято-Владимирской Академии в Нью-Йорке. Там сразу после Второй мировой войны стали преподавать по-английски. В отличие от Владимирской Академии мы служим еще в основном по-славянски, что, правда, делается, скорее, по инерции, нежели из каких-то принципиальных соображений. Для многих студентов было бы удобнее, чтобы и преподавание и богослужение шли на одном языке. Но с другой стороны, это обеспечивает какую-то связь с российской действительностью, и мы, конечно, этим дорожим. Преподавателей у нас около двадцати человек. Преподают все обычные для Духовных школ предметы. В организации своих учебных программ и учебных занятий институт изначально следовал по пути дореволюционных российских Духовных академий.

— Институт ориентируется, главным образом, на подготовку пастырей или каких-либо иных специалистов?

— Конечно, главной нашей задачей является подготовка богословски образованных пастырей. Но не всегда это получается, потому что часто наши выпускники идут по жизни другими путями. Но, тем не менее, студенты, которые к нам приезжают из

таких традиционно православных стран, как Греция, Болгария, Сербия, Румыния, в основном священнослужители. Что касается наших студентов, то среди них кандидатов в священнослужители почти нет, да и самих этих студентов очень мало. Сейчас у нас их всего два человека. Хочется верить, что это явление временное, но, тем не менее, пока это так.

— Сейчас в России активно обсуждается вопрос о статусе духовных учебных заведений в общегосударственной системе образования. Хотелось бы узнать, как строятся взаимоотношения вашего института с французскими властями? Каков правовой статус института?

— Мы являемся свободным высшим учебным заведением, то есть, с одной стороны, институт не является государственным учреждением, но, с другой, мы признаны государством. Вообще, во Франции свободное учебное заведение — это значит негосу-

дарственное. Чаще всего свободными являются какие-то светские или, как у нас говорят, лаические школы. Во Франции, как вы знаете, уже довольно давно Церковь отделена от государства. Это касается не только Католической Церкви, но и всех других вероисповеданий и религий. Потому мы не можем быть государственным учебным заведением, но мы признаны как церковная институция Парижской Академией, которая дает нам статус высшего негосударственного учебного заведения.

— Существует ли какой-то контроль над институтом со стороны церковных властей?

— У нас самые тесные взаимоотношения с Архиепископией, поскольку владыка архиепископ является ректором института. Это ректорство в какой-то степени *honorifique*, почетное, потому что владыка Сергей¹ не имеет богословского образования. Но как архиепископ он стоит во главе своей богословской школы. Что же касается учебного плана и других академических дел, то, конечно, этим занимается декан — отец Борис Бобринский.

— Есть ли у вас сегодня студенты из России? Много ли их? Существуют ли специальные программы обмена студентами между вашим институтом и российскими учебными заведениями?

— Студенты из России есть, и, кстати сказать, их становится все больше и больше. К тому же сегодня к нам приезжают студенты не только из Российской Федерации, но из стран СНГ. Например, много украинцев. Сейчас у нас обучается четыре студента, окончивших Киевскую Духовную Академию. Есть студенты и из Белоруссии. Но специальной программы для них у нас нет. Для этого у нас просто нет сил. Наша основная трудность в том, что мало людей, мало кадров. Все держится на единицах, как обычно это бывает за границей. Мы очень рады принимать студентов из Русской Православной Церкви, но они, конечно, должны или уже знать французский язык, или очень быстро его выучить. Иначе они сидят на лекциях и ничего не понимают. Но когда они берут на себя этот труд и изучают французский язык, то их учеба приносит желаемые плоды. У нас большая русская библиотека, большая часть преподавателей или русские, или говорят по-русски. Русская струя в жизни нашего института еще очень сильна и сейчас в каком-то смысле даже укрепляется. Сейчас совсем другая ситуация, нежели в последние годы так называемого периода застоя. Наш институт активно сотрудничает со Свято-Тихоновским богословским институтом в Москве. Мы являемся побратимами, совместно издаем лекции наших покойных профессоров, таких почтенных и

¹ *Прим. ред.:* Архиепископ Евкарпийский Сергей (Коновалов) скончался 22 января 2003 года.

известных, как владыка Кассиан (Безобразов), А. В. Карташев, отец Киприан (Керн), отец Василий Зеньковский. Издаем для того, чтобы о них узнали и в России. У нас даже есть скромный обмен преподавателями. Скажем, я приезжаю читать лекции в Москву, а в Париже бывают преподаватели из Свято-Тихоновского института. Так что по возможности мы стараемся поддерживать живые контакты с Русской Церковью.

— Вы являетесь инспектором института. В традиционном для российских Духовных школ понимании эта должность предполагает воспитательные функции, контроль за нравственным обликом студентов. А каковы обязанности инспектора в Свято-Сергиевском институте?

— В самом общем смысле инспектор отвечает за жизнь студентов. Он сам живет вместе со студентами и на месте решает все возникающие вопросы. Это касается как студентов стационара, проживающих в общежитии института, так и тех студентов, которые обучаются экстерном. Основная задача инспектора — помогать студентам. Каких-то острых проблем в вопросах дисциплины у нас, слава Богу, не возникает. Наши студенты прекрасно понимают, зачем они пришли в институт, и что они хотят получить от него. Правда, иной раз приходится напоминать им кое о чем. Особенно это касается послушаний. У нас нет специальных работников. Студенты сами убирают, моют, поддерживают порядок в зданиях института. Я считаю, это очень правильный принцип. Они сами чувствуют ответственность за чистоту общежития, кухни, всех помещений, аудиторий и охотно несут такие послушания, понимают, что это необходимо для общего блага.

— Отец Николай, Вы уже сказали, что сегодня поддерживаете более тесные связи с Россией, нежели в прежние десятилетия. Как Вы смотрите на будущее Архиепископии? Возможен ли, по-Вашему, возврат западноевропейских русских приходов в юрисдикцию Русской Православной Церкви? Или, может, вы уже слишком погружены во французскую жизнь?

— Вопрос языка в Русской Церкви никогда не был решающим критерием канонической принадлежности. Наоборот, Русская Православная Церковь всегда следовала Кирилло-Мефодиевскому принципу неперемного перевода богослужения на местные языки. В самой Российской империи мы можем видеть удивительный пример «многоязычности» литургической жизни. Так что погружение во французскую жизнь канонически не может быть препятствием, скорее наоборот, это еще одна причина укрепить связь с Русской Церковью для того, чтобы укрепить те православные начала, которые необходимы для нормальной церковной жизни. Вероятно, для вас не секрет, что у нас существуют разные тенденции.

Есть очень убежденные сторонники возврата в Русскую Церковь. И есть люди, которые думают по-другому. Я надеюсь, время расставит все на свои места, и Господь разрешит эту проблему. Думается, что именно Русская Церковь сможет обеспечить те канонические рамки, которые нам позволят жить полноценной поместной жизнью. Желательное решение проблемы - это создание в Западной Европе Митрополичьего округа с предоставлением ему реальной автономии (с избранием архиереев на месте) по образцу нынешних Украины и Японии. Это решение для вас самое необременительное, и оно обеспечит то, что нам нужно.

— Сегодня много говорят о реформе духовного образования в России. На Ваш взгляд, к чему должны стремиться наши Духовные школы, проводя реформы?

— Сама жизнь нас заставляет, слава Богу, постоянно что-то менять, усовершенствовать. Потому что, если ждать у моря погоды, то само собой ничего не совершится. Но что понимать под реформой? Минувший век принес много нового в нашу богословскую науку. Состоялся возврат к святоотеческим истокам, был преодолён соблазн русской религиозной философии, о которой отец Георгий Флоровский говорил, что она и не русская, и не философия, а на счет религиозности еще надо подумать. В богословском плане это уже перевернутая страница. Конечно, если кто-то хочет философствовать, — пожалуйста, у стен Церкви. Наверное, в конце концов через это можно прийти и в Церковь, но не надо путать богословие и так называемую религиозную философию, даже в виде софиологии отца Сергия Булгакова. Идет сегодня также возрождение иконописи, церковного пения. Медленно, но верно. Мы как можно скорее должны расстаться со всеми остатками нашей доморощенной схоластики, освободиться из этого пленения вавилонского. Это внесет ясность в наши учебные программы, которые слишком часто говорят в разных курсах об одном и том же, а некоторые очень существенные вопросы обходят стороной. Даже за пять или шесть лет учебы что-то остается не изученным. Скажем, нужно четко разграничить программы по таким дисциплинам как пастырское богословие, аскетика, литургия, гомилетика. Каждый должен заниматься своим предметом, но чтобы обо всем кто-то успел сказать. Возможно, реформа — не самое подходящее слово. Лучше говорить о преобразовании Духовных школ, улучшении учебных планов. Тут можно и нужно многое делать. Главное, чтобы все это было в тех святоотеческих рамках, которые для нас являются критерием.

*Беседовал Владимир Бурега,
III курс МДА*